

DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35263

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ТИПА МЫШЛЕНИЯ КОСТА ХЕТАГУРОВА

Р.Я. Фидарова
И.А. Кайтова

Суть методологического подхода Коста Хетагурова к проблемам культурно-исторического развития осетинского народа в том, что он рассматривал общественное бытие и общественное сознание осетин как взаимосвязанные и взаимообусловленные феномены, составляющие единое целое, целостную систему, формирующую фундаментальную основу реалистического типа мышления, преследующего цель в удивительно жизненных, создаваемых им образах, глубоко и основательно раскрыть эстетическую специфику философского, духовно-нравственного, культурно-исторического освоения горцами объективного мира, мира их национальной действительности. Теоретическим «инструментарием» при этом для Коста является метод восхождения от абстрактного, включающего в данном случае в себя такие компоненты духовной культуры, как национальный менталитет, обычаи, обряды, традиции, Агъдау как нравственный кодекс жизни горцев, – к конкретному, т.е. к судьбе и характеру отдельного человека, члена горского общества – носителя его родовых качеств и «родимых пятен». Кроме того, в состав теоретического «инструментария» Коста, при формировании им реалистического типа художественного мышления, включаются и принцип объективности, позволяющий ему анализировать противоречивый характер как действительности, так и характер отдельного человека; принцип развития, помогающий Коста учитывать диалектический характер горского бытия; принцип преемственности, давший возможность поэту глубоко осмыслить органические связи прошлого и настоящего. Ну а системно-исторический подход помог Коста выявить наиболее существенные, постоянные, т.е. константные связи явлений в общественной жизни и общественном сознании, тогда как детерминизм давал возможность обнажать их объективную зависимость от социально-исторических и природно-географических факторов. Столь богатый теоретический «инструментарий» помог Коста глубоко и основательно осмысливать метафизические проблемы жизни горского общества. И это явилось основой формирования его реалистического типа мышления, способного дать удивительно органичный, объективно-концептуальный, художественно-эстетический анализ критического «состояния мира». А из данного анализа логически следовал убедительный вывод, призывающий народ к беспощадной борьбе за свободу, равенство и братство людей, а именно: мир враждебен человеку, губит его физически и развращает нравственно. И, следовательно, в данных социально-исторических обстоятельствах человек обречен на гибель, если не станет на защиту своей жизни и свободы. При решении столь сложной художественно-эстетической задачи Коста умело использовал осетинскую мифологию как важнейший компонент структуры реалистического типа мышления, основы которого он же и заложил в формирующейся осетинской литературе.

Ключевые слова: стихотворение, мифология, реализм, метод, архетип, обряды, традиции, ритуал.

Поэтическое творчество Коста Хетагурова пронизано глубоким реализмом. Суть реализма Коста в том, что он показал, согласно его философско-этической, художественно-эстетической концепции, как бы-

тие осетин в мире сформировало свою объективную структуру и как не зависит оно от субъективной воли индивида. Человек, как субъект познания, становится центром создаваемой поэтом картины мира. И не

случайно, формируя свою реалистическую картину мира, Коста рассматривал человека, его жизнь, судьбу, характер, сознание, самосознание, настроение, социальное самочувствие, потребности, – как важнейший предмет своего художественного познания. В целом важнейшей фигурой в концепции Коста является человек.

И он интересуется Коста Хетагурова как субъект идей, чувств, эмоций, воли, образа жизни, конкретного поведения, – в целом комплекса представлений поэта о национальной сущности, идентичности осетин. Интерес поэта усугубляется тем, что он уверен: человек, как часть целого, органически связан со своим народом. Причем связь эта – многогранна: проявляется в языке, культуре, менталитете, обычаях, обрядах, традициях. Человек как часть целого – своего народа, накапливает, – именно с помощью своей этнической идентичности, – общенациональные, общенародные идеи, цели, смыслы, нравственно-этические установки. Активно используя традиции осетинской мифологии, Коста исходил из той аксиомы, что в основе любой культурной символики лежит определенный этнический архетип, отражающий коллективное бессознательное своего субъекта – народа.

А коллективное бессознательное осетинского этноса-народа-нации отражается в творчестве Коста в форме мифологических мотивов, сюжетов, образов. Коста использует архетип, т.е. первичные архаичные формы приспособления человека к миру, которые проявляются как в мифологии и в фольклоре, так и в повседневности, в образе жизни и в особенностях мышления осетин, – в их традициях и обрядах.

Архетипы как базовые образы, сформировавшиеся в глубокой древности, в творчестве Коста приобретают важные функции, т.к. несут в себе сюжетно-тематическую событийную информацию, определяющую суть отношений субъекта с миром и формирующую внутренний образный мир того или иного произведения.

В мифологическом сознании предков осетин сформировалось множество архетипов, один из которых Коста умело использовал в стихотворении «Кубады». Это образ старика с трагической судьбой, обреченного своим происхождением и социальным статусом на нищету и одиночество; старика, олицетворяющего в своем образе лучшие черты этнического характера народа (доброту, благородство, жизнелюбие, оптимизм, талант); старика, воплотившего в себе народную мудрость.

Судьба Кубады сложилась трагически: он безродный, нищий.

Что время года?
На месте сходок
В худой шубенке,
Седой, горбатый,
Сидит Кубады
С фандыром звонким.
Всю жизнь скитался,
Мальцом остался
Один под небом,
Не раз безродный
Плясал голодный
За корку хлеба.
Босой, избитый,
В душе – обиды,
И грязь на теле.
Жилось не сладко,
Из трещин в пятках
Лягушки пели [1, 73].

Но Кубады, несмотря на весь трагизм его существования, не сломленный духом, не потерянный в нравственном отношении человек: он – яркая, творческая личность, любящая сочинять и петь песни, играть на фандыре, дарить людям радость, пробуждать в их душах желание жить:

В пути-дороге
Не слабнут ноги.
А песни – краше [1, 73].

После долгих, вынужденных скитаний, Кубады, уже седым стариком, вернулся на родину, которую, видно, очень любил: такой человек способен глубоко и искренне любить людей, родину, жизнь...

Этот же архетип старика, т.е. человека мудрого, много видавшего в жизни, а потому

имеющего право требовать беспрекословного исполнения его воли как морального и фактического предводителя-вождя; воли, которая в сознании родоплеменного общества приобретает императивный статус закона, поэт использовал в стихотворении «Всати». В нем Коста прибегает к образу мифологического охотничьего божества Всати, покровителя диких животных: оленей, туров, коз, кабанов. В честь Всати народ не строил святилищ и не устраивал праздников. В мифологии осетин он предстаёт как колоритный старец с длинной бородой, который сидит высоко на горе и зорко следит за своими стадами. Конечно, он особо почитаем охотниками, которые, вернувшись домой с охоты, должны всех встречающих угощать дичью или раздавать им небольшие куски мяса: в противном случае, уверяют осетины, охотники навсегда потеряют надежду на какую бы то ни было удачу на охоте.

Коста в своем стихотворении особо подчеркивал статус старика описанием образа его жизни и жилища.

Стол его, сиденье –
Все хрусталь сплошной,
Из рогов оленьих –
Ложе под сосной.
Шерсть на нем медвежья.
Козий пух лежит...
Всати утром свежим
Беззаботно спит [1, 107].

Уважение к Всати безграничное, как подчеркивает поэт.

Машут лопухами
Семь безусных слуг,
От него упрямых
Отгоняя мух.
Семь других руманят
На огне шашлык.
Жарят бок бараний –
Будет сыт старик... [1, 107]

При этом он принимает столь трепетное за ним ухаживание, как должное:

Гром гремит, поднялся
С ложа Всати: «Оф!
Я проголодался – завтрак мой
готов?...» [1, 107]

Всати понимает, осознает свое предназначение в мире: он стоит на страже добра и справедливости, поддерживает слабых и бедных.

Жирный бок грызет он,
Вдруг запели: «Гей!
Видно, вновь – охота,
Погляди скорей!..»
Юноша проворно
К леднику шагнул,
Со стремнины горной
В бездну заглянул.
И без промедленья
Крикнул: «Слышу зов, –
Просят там оленя
Девять ездовых.
Кони статны. Ружья
Крымские блестят...
– Нам олень бы нужен,
Пусть худой! – кричат [1,109].

Получив описания гостей и осознав их социальный статус, Всати отказывает им в просьбе:

– Щеголям блестящим,
Глупый, откажи:
Знай – у бедных тащит
Скот им Уастырджи.
Пусть он угостит их
Краденым скотом
Да аракой сытых
Напоит потом!... [1, 109].

Но вот:

Солнце на закате.
Песни вновь слышны,
Вновь прислужник Всати
Смотрит с высоты.
«– Семерых на круче
Вижу бедняков,
Слышу их могучий,
Их веселый зов:
«О уарайда, Всати!
Щедрый, к нам явился,
Ты на горном скате,
Погляди-ка вниз!
Ты оленя, Всати,
Дай нам в добрый час.
Ты на горном скате,
Ты взгляни на нас!»
В стареньких арчита,
С плохоньким ружьем.
Головы побриты
Сломанным серпом...» [1, 111]

Для таких гостей у Всати готов ответ:

– Гей, юнец! Рогатых
Выпусти скорей:
Угости, как надо,
Дорогих гостей [1, 111].

Коста находит из того, что в ценностях отражается отношение субъекта, в данном случае Всати, авторитет которого непререкаем, – к миру, а в системе ценностей – ценностно-нравственная ориентация общественного сознания всего народа. Поэт уверен, что именно на их основе формируются этические и эстетические идеалы этноса, его онтологическая картина мира. Коста активно использует творческую энергию закодированных в архетипах все человеческие переживания, мысли, чувства, составляющие основу духовной жизни народа и диктующие алгоритм поведения горцев-осетин.

Поэт уделяет большое внимание этногенетическим факторам: языку, традициям, обычаям, архетипам, этническим кодам. Он осмысляет этническое бытие осетин как интегральный социо-культурный феномен, включающий в себя множество составляющих содержания жизни народа в разные исторические периоды.

В мифах, в языческих верованиях, в традициях, в обычаях, в целом в обрядности выражены богатейшие духовные ценности народа, понимание им смысла жизни, основы его жизненной философии.

Мифологическая картина мира, в представлении Коста, – это совокупность этнических, мировоззренческих, фундаментальных представлений и знаний народа о мире. То есть это простой, понятный человеку, обремененному еще феодальным типом сознания, – образ окружающего мира, который успешно использует поэт.

Использование мифомышления в творчестве Коста – это своеобразный способ, преследующий особые цели. Прежде всего поэт стремится дать концептуальный анализ метафизических проблем этнического бытия осетин, представить онтологическую картину мира, т.е. «состояния мира».

И в данном стремлении поэту помогает активное использование специфических, присущих мифомышлению художественно-изобразительных средств: тяготение к символам, к притчам, в целом к мифам.

Поэт умело использует и описание обрядов, ритуалов осетин в своей поэзии, т.к. обряды в жизни народа играли огромную роль. В целом поэта привлекает в обрядах их суть и назначение: обобщение, т.е. универсальное значение, направленное на восстановление с их помощью миропорядка, «круга жизни», целостности, цельности, совершенства жизни.

В обрядах происходит временное структурирование жизни, ведь они – оформленный ритуалами способ структурирования времени.

Формулы обрядов складывались тысячелетиями духовного творчества многих поколений, и в них отразилась вся духовность народа. В этом – их особенная ценность для Коста, поскольку обряды и ритуалы определяли правила поведения человека в жизни [2, 71].

Через конкретное событие происходит структурирование жизни. А жизненный путь человека мифологическим сознанием укладывается между двумя точками: его рождением и смертью. Но не только эти две судьбоносные точки, но и вся человеческая жизнь, все события жизни отражаются и вновь как бы воспроизводятся ритуально, в обрядах.

Обряды, участвуя в структурировании времени, являются способом переживания особых событий жизни, представляющих собой «поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период «определяется дальнейший жизненный путь» [3, 684].

И это было очень важно, т.к. «...люди с древнейших времен заботились о том, чтобы всякое решение с непредсказуемыми последствиями имело подстраховку для этого мерами, религиозными по своей природе. Незримым силам приносились за-

говоры и молитвы, совершали прочие священнодействия... Исполнение магического действия придает человеку чувство уверенности... такая страховка нужна и для принятия решения, поскольку оно всегда тяготеет к односторонности и ощущается как рискованное» [4, 125].

Особую роль в жизни общества играли и ритуалы, сопровождающие религиозный культ и оформляющие его.

То есть ритуал – это вид обряда, форма, которая сложилась исторически; форма сложного символического поведения его участников. И если обряд – это содержательная, смысловая структура, то ритуал – форма, в которую «вливается» это содержание, обобщающее тысячелетний опыт накопленных народом переживаний, самопознания и познания мира. В таком качестве обряд и ритуал – традиционные методы социального и нравственного воспитания народа.

В стихотворении «На кладбище» Коста описывает обряд похорон у осетин.

Нет похорон многолюднее наших...
Нынче такая толпа провожавших
С гор и долин собралась –
Не повернуться на кладбище было,
Старый и малый стояли уныло,
Низко над мертвым склоняясь [1, 113].

Поэт переходит к описанию личности покойного, вызвавшего столь скорбные чувства.

Был он единственным сыном у слепого
Старца. На черных носилках сурово
Вот он замолк, недвижим.
Труженик вечный, старательный в деле,
До Алагирского был он ущелья
В каждом селенье любим.
С детства не знал еды прихотливой,
Не щеголял он в черкеске красивой.
Да и не думал о том.
Скромный, со всеми он был одинаков.
И до сегодня сафьяновых чувяков
Мы не видали на нем [1, 113].

Бедность горца и его социальный статус особо подчеркиваются поэтом конкретным описанием его одежды, уже в гробу:

Нынче ж, смотрите, нарядный какой он!
Как у невесты, затянут и строен,
Мертвого юноши стан.
Золото ярко блестит на одежде.
Разве оружие на юноше прежде
Кто замечал из крестьян?
Шашка с винтовкой под стать удалому.
Часто ль, однако, с оружием из дому
Он выезжал, как джигит?
Сроду коня у него не бывало!
Только теперь, когда время настало,
Конь перед мертвым стоит [1, 115].

Предстоит очень важный обряд посвящения коня умершему:

Женщины стихли... Умолкло рыданье...
Вот к мертвецу, соблюдая молчанье,
Старец подходит седой.
Темную кожу изрыли морщины,
Шапка, шубенка – из старой овчины...
Думаем: кто он такой?
Вытер он слезы дрожащей рукою,
Выпростал бороду перед толпою,
Взял за уздечку коня [1, 115].

Важна была сама личность старца: как правило, эту миссию посвящения коня поручали самому старшему, уважаемому человеку, поскольку самому обряду придавали большое значение в процессе похорон.

Смолкли мгновенно пред ним разговоры,
Люди печально потупили взоры,
Плачет, рыдает родня.
Старец на краткое замер мгновенье,
Вдруг он собравшимся на удивленье
Стал не спеша говорить [1, 117].

Как правило, старец должен был обладать и богатым даром речи. Поэт как бы просит прощения у читателя:

Коль не смогу повторить его речи,
Друг мой, земляк мой, прошу издалече
Слово мое не хулить.
Вот что сказал он: «Пусть будет до века
Память светла о тебе! Человека
Взор благородный угас.
Всем ты снабжен для поездки спокойной.
Конь лишь тебе не нашелся достойный
В этот безрадостный час.
К Тереку люди отправились ныне,
Ищут по пастбищам, ищут в пустыне,
Ищут по краю земли.
Много они берегов обскакали,
Много они табунов обыскали,

Но ничего не нашли.
Видишь, на небе, под желтой горою,
Три скакуна вознеслись над тобою,
Уастырджи, три жеребца [1, 117].

И далее дает характеристику удивительного коня, достойного своего всадника:

Ближнего схватишь – ударит копытом,
Дальнего схватишь – он волком несатытым
Кинется на молодца.
Средний блуждает по области неба
Дай ему корку ячменного хлеба.
Славный Курдалагон-бог
Быстро коню изготовит подковы,
Будут узда и попона готовы –
Всё для загробных дорог.
Первенцем месяца конь твой крылатый
Будет обуздан. Сын солнца, вожатый,
Даст тебе плеть и седло.
Сядь на коня! Не споткнись, опускаясь,
Не торопись, по горам поднимаясь
Если коню тяжело [1, 117, 119].

В столь горестное мгновение старец эпически величаво описывает предстоящий путь покойника в царство мертвых, по-своему скупно и своеобразно передавая всю глубину и важность нравственного выбора, ответственности человека за данный выбор в жизни.

Три пред тобою предстанут дороги.
Нижняя – это дорога тревоги, –
Кровники ездят по ней.
Мститель на верхней дороге таится.
Средней дороги твой конь не боится –
Значит, и ты не робей.
Это – твой путь! Он не шире тропинки.
Встретишь ты мост из одной волосинки, –
Птице не перепорхнуть.
Пусть от бедра твоего иноходца
Мяса кровавый кусок оторвется, –
Так его нужно хлестнуть.
К царству усопших в мгновение ока
Перенесет тебя конь твой с востока, –
Солнца увидишь заход.
Скажут: «Темно! Уходи, мол, отсюда!»
Сердце – ходатай твой. Веруя в чудо,
Ты помолишься у ворот.
Боже! – воскликни. – Создатель вселенной!
Солнце в его красоте несравненной
Снова на небо верни! [1, 119, 121].

На мольбу человека достойного бог ответит добром и даст ему в спутники сына солнца:

Солнце усопших на небе заблещет,
Створы железных ворот затрепещут,
И распахнутся они.
Знает сын солнца дорогу до рая,
Все он тебе объяснит, проезжая,
Видя смущенье твое [1, 121].

И далее поэт описывает невиданные покойником доселе эпизоды, смысл которых разъясняет сын солнца.

Поедешь дальше – увидишь чудо:
Камень посыпался вдруг над тобою –
Штопает женщина скалы иглою,
Хочет заштопать овраг.
– Что с ней? – Была и она своенравна:
Платье любовнику штопала славно,
Мужу зато кое-как.
Здесь она мужу заплатит сторицей!
Дальше! На женщине жернов вертится,
Мелет камень в песок.
Денно и ночью, не переставая,
Крутится жернов, беднягу терзая...
– Что был у ней за порок?
– Мельницу эта держала воровка.
Красть научилась муку она ловко.
Долго ли, сам посуди! [1, 125].

Далее описываются другие чудеса страши мертвых:

Вот пред тобой на пригорке далече
Муж восседает с женой.
Гнется от тяжести стол перед ними, –
Полон напитками он дорогими,
Сладкой уставлен едой.
Пища тут с перцем, чеснок в изобилие!
Сколько б супруги не ели, ни пили. –
Не иссыкает еда.
– Что за диковина! – Эти супруги
Были бедны, но чурек свой в лачуге
С нищим делили всегда [1, 127].

Вот, наконец, и окрестности рая.
Плетью взмахни ты, и конь твой, играя,
К цели тебя донесет.
Слезешь с коня ты – детей вереница
Перед тобой на лугу веселится,
Бегая возле ворот.
Всадника радостно каждый встречает.
Кто за отца, кто за мать принимает...
Все-то босые они!
Этот – без пояса, тот без папахи,
Эти – по горло задрали рубахи,
Ты их не тронь, не гони.
Ты приласкай их, поправь им одежды,
Стань у дверей, не теряя надежды.

тив поступков героев Коста. Понятие же чести требует от них всегда выполнение своего долга, в любых обстоятельствах и любой ценой, даже ценой самой жизни. Ведь понятия долга, стыда, чести требуют от горца одного: жить и умереть достойно, по канонам *агъдау* (адата), т.е. нравственного кодекса жизни горцев. Как писал Ф.И. Леонтович, «адат имел тройное значение: как обычай, живущий в народном предании, как способ разбирательства судебных дел и как закон местный, имеющий обязательное действие лишь в данной местности» [5, 7].

Агъдау как нравственный кодекс жизни осетин, выступает хранителем и передатчиком многовековой духовной культуры

этноса, т.е. это – свод неписаных законов. В художественной трактовке Коста – это целая система табу и запретов, которыми регламентируется вся жизнь горца-осетина с рождения до смерти.

Таким образом, используя осетинскую мифологию в своем поэтическом творчестве, Коста Хетагуров многогранно и глубоко отразил национальное самосознание, духовно-нравственное богатство народа. И в то же время поэт заложил основы реализма в формирующейся осетинской литературе, определив мифологический компонент в качестве одной из важнейших составляющих структуры реалистического типа художественного мышления.

1. Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений. В 5 т. Владикавказ, 1999. Т. 1.
2. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор. М., 2003.
3. Рубинштейн С. Д. Основы общей психологии. Изд. 2-е. М., 1946.
4. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М., 1996.
5. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву. Одесса, 1882-1883. Вып 1, 2.

Fidarova, Rima Ya. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; rfidarova@mail.ru

Kaytova, Irina A. – candidate of philological sciences, docent, K.L. Khetagurov North Ossetian State University; irinakaytova@mail.ru

MYTHOLOGICAL COMPONENT IN THE STRUCTURE OF KOSTA KHETAGUROV'S REALISTIC TYPE OF THINKING.

Keywords: poem, mythology, realism, method, archetype, rites, traditions, ritual.

The essence of Khetagurov's methodological approach to the problems of cultural and historical development of the Ossetian people is that he considered the social existence and social consciousness of Ossetians as interrelated and interdependent phenomena making up a single whole, an integral system that forms the fundamental basis of a realistic type of thinking, pursuing the goal in a surprisingly vital, created by them images, deeply and thoroughly reveal the aesthetic specificity of the philosophical, spiritual, moral, cultural and historical development of the highlanders of the objective world, the world of their national reality. The theoretical «tools» for Kosta is the method of ascent from the abstract, which in this case includes such components of spiritual culture as the national mentality, customs, rituals, traditions, Agdau as a moral code of life of the highlanders – to

the specific, i.e. to the fate and character of the individual, a member of the mountain society – the carrier of his generic qualities and «birthmarks». In addition, the theoretical «tools» of Kosta, when forming a realistic type of artistic thinking, include the principle of objectivity, allowing him to analyze the contradictory nature of both reality and the nature of the individual; the principle of development, which helps Kosta to take into account the dialectical nature of mountain life; the principle of continuity, which gave the poet a deep understanding of the organic connections of the past and the present. But the system-historical approach helped Kosta to identify the most significant, permanent, i.e. constant connections of phenomena in public life and public consciousness, while determinism made it possible to expose their objective dependence on socio-historical and natural-geographical factors. Such a wealth of theoretical «tools» helped Kosta to think deeply and thoroughly about the metaphysical problems of mountain society. And this was the basis for the formation of his realistic type of thinking that can give a surprisingly organic, objectively conceptual, artistic and aesthetic analysis of the critical «state of the world». And from this analysis logically followed a convincing conclusion, calling people to ruthless struggle for freedom, equality and brotherhood of people, namely: the world is hostile to man, destroys it physically and corrupts morally. And, therefore, in these socio-historical circumstances, a person is doomed to death if he does not protect his life and freedom. In solving such a complex artistic and aesthetic problem Kosta skillfully used Ossetian mythology as an important component of the structure of the realistic type of thinking, the foundations of which he laid in the emerging Ossetian literature.

REFERENCES

1. Khetagurov, K. L. *Polnoe sobranie sochineniy. V 5-i t.* [Collected works. In 5 vols]. Vladikavkaz, RIPP im. V. A. Gassieva, 1999, vol 1. 486 p.
2. Zueva, T. V., Kirdan, B. P. *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Moscow, Nauka, 2003. 423 p.
3. Rubinshtein, S. D. *Osnovy obshchey psikhologii. Izd. 2-e* [Fundamentals of General psychology. 2nd ed.]. Moscow, Uchpedgiz, 1946. 702 p.
4. Jung, K. G. *Analiticheskaya psikhologiya. Proshloe i nastoyashchee* [Analytical psychology. Past and present]. Moscow, Martis, 1996. 309 p.
5. Leontovich, F. I. *Adaty kavkazskih gortsev. Materialy po obychnomu pravu* [Adat of Caucasian mountaineers. Materials on common law]. Odessa, 1882-1883, vol. 1, 2.